

Александр Бестужев-Марлинский

Знакомство мое с А. С. Грибоедовым

Александр Бестужев-Марлинский

Знакомство мое с А. С. Грибоедовым

«Public Domain»

1860

Бестужев-Марлинский А. А.

Знакомство мое с А. С. Грибоедовым / А. А. Бестужев-Марлинский —
«Public Domain», 1860

ISBN 978-5-457-12682-4

«Я был предубежден против Александра Сергеевича. Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде. Он уже несколько месяцев был в Петербурге, а я не думал с ним сойтись, хотя имел к тому немало предлогов и много случаев. Уважая Грибоедова как автора, я еще не уважал его как человека. «Это необыкновенное существо, это гений!» – говорили мне некоторые из его приятелей. Я не верил...»

ISBN 978-5-457-12682-4

© Бестужев-Марлинский А. А., 1860
© Public Domain, 1860

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Александрович Бестужев-Марлинский¹ Знакомство мое с А. С. Грибоедовым²

* * *

Я был предубежден против Александра Сергеевича. Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде. Он уже несколько месяцев был в Петербурге, а я не думал с ним сойтись, хотя имел к тому немало предлогов и много случаев. Уважая Грибоедова как автора, я еще не уважал его как человека. «Это необыкновенное существо, это гений!» – говорили мне некоторые из его приятелей. Я не верил. Всякий энтузиазм в других порождает во мне холодность, по весьма естественному рассуждению: чем более человек находится вне себя, тем менее он способен ценить или измерять вещи глазами рассудка; следственно, те, которые внемлют ему, должны дополнять своим разумом пустоту и, не увлекаясь чувствами, более не доверять, чем верить. Впрочем, это правило применил я только к заглазным похвалам. Электрическая искра восторга потрясала нередко и меня, но не иначе, как от прикосновения. Притом частые восторги иных друзей моих нередко вспыхивали от таких предметов, которые вовсе того не стоили – как Макбет привидениями, я был пресыщен их чудесами и феноменами. Знаки восклицания в преувеличенных письмах о нем не убеждали меня более, чем двоеочия и многоточия, словом, я хотел иметь свое мнение и без достаточной причины не менять старого на новое. Между тем, однако ж, как я <ни> упирался с ним встретиться, случай свел нас невзначай. Я сидел у больного приятеля моего, гвардейского офицера Н. А. Муханова³, страстного любителя всего изящного. Это было утром, в августе месяце 1824 года⁴. Вдруг дверь распахнулась; вошел человек благородной наружности, среднего роста, в черном фраке, с очками на глазах.

– Я зашел навестить вас, – сказал незнакомец, обращаясь к моему приятелю. – Поправляетесь ли вы?

И в лице его видно было столько же искреннего участия, как в его приемах умения жить в хорошем обществе, но без всякого жеманства, без всякой формальности; можно сказать даже, что движения его были как-то странны и отрывисты и со всем тем приличны как

³ Н. А. Муханов, корнет уланского полка, дальний родственник Грибоедова и двоюродный брат декабриста П. А. Муханова. После 1825 г. был адъютантом петербургского генерал-губернатора Голенищева-Кутузова (члена Следственного комитета) и во время пребывания Грибоедова под арестом виделся с ним и оказывал ему помощь, о чем свидетельствуют дошедшие до нас записки Грибоедова к Муханову (ПССГ, т. III, с. 152—153; относительно правильной их датировки см.: «Воспоминания Бестужевых», с. 804). И после освобождения Грибоедова летом 1820 г. он часто с ним встречается, это засвидетельствовано в письмах Н. А. Муханова к брату Александру: «Грибоедов не едет в Москву, потому что был в простуде, все это время страдал от флюса и потом не кончил еще совершенно дела здесь» (20 июня); «Сейчас выходит от меня Грибоедов, с которым я беспрестанно вижусь. Чудо что за человек: умен, нравственности необыкновенной в наш век, да что же я его описываю, ты сам его также знаешь» (без даты); «Пока буду часто встречаться с Грибоедовым да с Вяземским, а как они уедут, то хоть умирай с тоски» (6 июля) (ГИМ, ф. 117, К 86—88; см. также К 34, 107, 198).

⁴ Встреча Бестужева с Грибоедовым у Муханова произошла не в августе, а 5 июля 1824 г. (см.: Нечкина, с. 444). Этапы сближения с Грибоедовым отмечены в письмах Бестужева к Вяземскому: «Я познакомился с Грибоедовым, но еще не сошелся с ним, во-первых, потому, что то он, то я здесь не жил, а во-вторых, мне кажется, что он любит поклонение, и бог Аполлон ему судья за сведенье с ума Кюхельбекера: какую чуху, прости господи, напорол он в своей «Мнемозине»! Впрочем, в два или три свиданья наши я видел в нем и любезного европейца, и просвещенного человека – две редкие вещи в одной особе, особенно на Руси. Мы говорили о Вас, любезнейший князь, – и я помирился с человечеством и литературою» (20 сентября); «Грибоедов Вам кланяется, я сегодня его видел... С тех пор как лучше его узнаю, я более и более уважаю его характер и снисхожу к его странностям» (3 ноября); «Грибоедов со мною сошелся – он преблагородный человек...» (12 января) (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 224, 226, 228).

нельзя более. Оригинальность кладет свою печать даже и на привычки подражания. – Это был Грибоедов.

Обрадованный хозяин поспешил познакомить нас. Оба имени прозвучали весьма внятно, но мы приветствовали друг друга очень холодно, даже не подали друг другу руки. Разговор завязался по-французски о чем-то весьма обыкновенном – наконец он склонился на словесность. Передо мною лежал том Байрона, и я сказал, что утешительно жить в нашем веке по крайней мере потому, что он умеет ценить гениальные произведения Байрона.

– Даже оценивать многое выше достоинства, – сказал Грибоедов.

– Я думаю, это обвинение не может касаться авторов, каковы Гете или Байрон, – возразил я.

– Почему же нет? Может быть, и обоих. Разве поклонники первого не превозносят до небес его каждую поэтическую шалость? Разве не придают каждому его слову, наудачу брошенному, тысячу противоположных значений? С Байроном поступают еще забавнее, потому что его читает весь модный свет. Гете толкуют, как будто он был непонятен; а Байроном восхищаются, не понимая его в самом деле. Никто не смеет сказать, что он проник великого мыслителя, и никто не хочет признаться, что он не понял благородного лорда.

– Этому виной, я думаю, различные способы их выражения. Гете облек мысли чувствами, между тем как Байрон расцветил чувства мыслью. Не всякий дерзнет хвалиться своим умом; но всякий рад сказать, что у него есть сердце, и, замечая, что Гете терзает более его ум, а Байрон чувство, полагает, что легче разгадать последнее, чем первый, хотя то и другое равно трудно.

– Для того чтобы заглянуть в лицо к ним, для доступа к высотам их не помогут ни ползки, ни прыжки: тут надобны крылья... И крылья орла, – прибавил Грибоедов. – Солнечные лучи играют и в блёстке, и в капле, но только масса воды может отразить целое солнце, только высокая душа может обнять полную мысль гения. Что касается, однако ж, до характеристики выражений в Гете и Байроне, она, мне кажется, слишком произвольна. Вы назвали их обоих великими, и, в отношении к ним, это справедливо; но между ними все превосходство в величии должно отдать Гете: он объясняет своею идеею все человечество; Байрон, со всем разнообразием мыслей, – только чело – века.

– Надеюсь, вы не сделаете этого укора Шекспиру. Каждая пьеса его сохраняет единство какой-нибудь великой мысли, важной для истории страстей человеческих, несмотря на грязную пену многих подробностей, свойственных более веку, нежели человеку. Я не знаю ни одного писателя в мире, который бы обладал сильнейшим языком и большим разнообразием мыслей. Вспомните, что он проложил дорогу самому Гете. Вспомните, когда писал он...

– Все обстоятельства времени, просвещения благоприятствовали, конечно, развитию крыльев Гете. Но я сужу не творца, а творения, и едва ли творения Шекспира выдержат сравнение с гетевскими.

– Признаюсь вам, что я не могу понять суда, где красоты ставятся в рекрутскую меру. Две вещи могут быть обе прекрасны, хотя вовсе не подобны.

Это правда, это осязаемая правда; мы спорили на ветер...

– Я готов пройти тридцать миль пешком, – промолвил он, улыбаясь, по-английски цитируя Стерна, – чтоб поглядеть на человека, который во всем наслаждается тем, что ему нравится, не расспрашивая, как и почему? Вы англоман и поймете меня.

Мы скоро расстались, с меньшей холодностью, правда, Во без всяких приветов и приглашений.

– Каков? – спросил меня с торжествующим видом приятель мой.

– Умный человек – и до сих пор только я не вижу в нем ничего чрезвычайного. Конечно, он держался более в оборонительном положении, и ему смешно было бы расстегнуться на

первый случай и выставить напоказ все свои достоинства; по крайней мере, я не нахожу причины Переменять своего мнения. Ум и сердце, человек и автор – не все равно!

Я думал так и ошибался. Дальнейшие опыты и думы, более глубокие, убедили меня, что истинно умный человек – наверно человек добрый, и что произведения автора есть отпечаток его души. Маска, приемлемая на себя сочинителем, обманывает только сначала; век нельзя притворяться. Одна мысль, одно слово изменяет самому хитрому лицемеру, умею только схватить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.